

18+

Людмила Андреева

*СЧАСТЬЕ
ЖЕНСКОЕ*

Людмила Андреева

Счастье женское

«Издательские решения»

Андреева Л.

Счастье женское / Л. Андреева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-518037-7

Ника всю свою жизнь мечтала о настоящей любви, идеализировала отношения, но жизнь с ней играла как кошка с мышкой... Почему наши ожидания не совпадают с реальностью? К сожалению, жизнь всегда ставит в жесткие условия, которые не совпадают с мечтами, и только от нас самих зависит — каким будет завтрашний день.

ISBN 978-5-00-518037-7

© Андреева Л.
© Издательские решения

Содержание

I	6
II	12
III	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Счастье женское

Людмила Андреева

© Людмила Андреева, 2021

ISBN 978-5-0051-8037-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Счастье женское

I

Семья у Ники считалась нормальной, если учитывать, что чуть ли не в каждом поселковом доме было, в среднем, по четверо детей. Ее мать, Надежда Юрьевна, работала продавщицей в продуктовом магазине, а отец (его все звали просто: дядя Степа) – шофером при сельсовете. Между старшим братом Рудиком и ее сестрой Аллой, существовала разница в возрасте на пять-семь лет. Незначительная, вообще-то, но для самой Ники, она казалась огромной. Все в доме, к ней, относились как к несмышленишу, ведь она – младшенькая, и ее, по мнению других, нужно опекать.

Жили они дружно, и одно из самых первых Никиных воспоминаний, как раз и было то, как брат и сестра ее кормили. Родители, в это время, скорее всего находились на работе, а она, Ника, оставленная на попечение старших детей, сидела на коленях у Аллы и, Рудик пытался попасть ложкой с кашей в рот сестренки, вертящей головой. Какой именно кашей они ее кормили, этого она, естественно, не помнила, но вполне вероятно, что манкой. Потому что, именно манную кашу, с незапамятных детских лет, Ника терпеть не могла. Ей легче пробежать босиком по крапиве, чем съесть тарелочку этого противного варева. Помнится, когда уже став значительно больше, у соседей ее посадили за стол вместе с неизменным другом, всех детских игр, Лешей кушать, а на стол поставили это ненавистное блюдо. Ника, с диким ревом убежала домой и заявила своей озадаченной матери, что к соседям больше никогда не пойдет, так как, они, ее заставили есть то, что она терпеть не могла. Долго же, у них в доме стоял хохот Рудика...

Другое детское воспоминание выхватило из памяти поездку к бабушке на деревенский престольный праздник. Они, тогда, всей семьей туда поехали. Нарядные и веселые... отец почти всю дорогу держал двухлетнюю малышку на руках и, только, возле бабушкиного дома отпустил Нику на зеленую, в желтых одуванчиках, лужайку. Там, у забора, лежали сложенные доски и несколько бревен, оставшихся после строительства дома. Несколько лет назад, в бабушкиной деревне случился грандиозный пожар, когда выгорело чуть ли не полдеревни... На этих бревнах и собиралась детвора со всей улицы. И, пока взрослые отмечали свое торжество, дети устраивали разные игры.

А вот зима... Рудик сталкивает Нику, сидящую в санках со склона горки, сделанной руками уличной детворы. Она визжит, со скоростью, так, что захватывает дух, несется вниз и, чуть, не доезжая до стоящей сестры Аллы, переворачивается и оказывается в сугробе... Алла помогает ей встать, оттряхивает снег с ее куцей шубейки... а, морозный воздух так и щиплет за щеки, и сестра ей поправляет завязанный сзади шарфик, натягивая его снова на курносый Никин нос. И потом, уже в вечерних сумерках, они все втроем забираются на теплую печь и сидят там до самого прихода родителей.

Один из первых запомнившихся Новогодних праздников, оставивших след в ребячьей душе... Детский хоровод вокруг нарядной зеленой красавицы. Пахнет хвоей и чем-то еще, вкусным и терпким... Дед Мороз с длинной белой бородой, в колпаке и красным носом, вывел Нику из хоровода и поставил перед собой. А она, запинаясь, скороговоркой, прочла ему заученный дома, под руководством старшего брата, небольшой стишок:

...Здравствуй Дедушка Мороз,
У тебя сопливый нос!... —

все вокруг так и грохнуло смехом! Ничего непонимающая Ника испуганно оглядела смеющихся людей и, внезапно осознав, что перепутала и ляпнула то, что совсем не следовало говорить, тихо поправила себя:

– Ой, я не правильно сказала... У тебя красивый нос!.. – и от испуга, что сделала не так, как нужно, заплакала.

Дед Мороз улыбнулся в бороду и, наклонившись к ней, вытер с ее лица слезы:

– Ну, что ж ты девочка плачешь? Я не люблю тех, кто плачет!.. – вынув из своего мешка пряник и несколько карамелек, он протянул их ей. – На-ка, тебе маленький гостинец от зайчика!

Ника робко взяла из его рук угощение и, пролепетав «спасибо», вернулась в хоровод. С тех пор, ежегодно, перед каждой Новогодней елкой ей напоминали этот, оконфузивший ее, случай.

Память детства оставляет образы, ярко ослепляющие сознание. Красочные картинки не имеют, можно сказать, ничего общего с тем, что остается в памяти уже когда человек становится старше. С годами восприятие как-то блекнет... Радужный мир, который познает ребенок, постепенно теряет свою особенность и неповторимость. Если раньше, Ника остро воспринимала то, что ее окружает и любые огорчения, которые происходили с ней или с теми, кто находился в поле ее зрения, становились для нее чуть ли не трагедией личного плана, то постепенно все это сглаживалось. Детские впечатления и неприятности принимали более личностный характер, и, теперь, уже в разряд трагедии переходило только то, что так или иначе, затрагивало непосредственно круг ее интересов. Ребенком Ника чувствовала себя частью окружающего мира, и ей казалось, что в глазах этого мира и она что-то да значит... но, к сожалению, с каждым днем, она все отчетливее начинала сознавать, что это все не так и, каждый человек несет в себе то, что есть у него в душе. Не больше, ни меньше. И все живущее, одновременно независимы друг от друга так же, как и неразрывны между собой... как бы то ни было, открытия доставляли ей острые минуты осознания своей беспомощности в ходе некоторых событий. Трагических событий, которых невозможно исправить.

Ей было лет шесть, когда случилась эта потеря...

Она сидела с Лешей, на лавочке, недалеко от своего дома. Возле них остановилась машина и, из нее, под руки вывели мать. Ника побежала навстречу, но мать невидящими и заплаканными глазами смотрела куда-то мимо нее...

– Мама, а где папа?.. Вы же сказали, что придете вместе и мы поедem к бабушке... – уже в доме, Ника нетерпеливо затеребила руку матери.

Мать, словно придя в себя, посмотрела на младшенькую, обняла ее и заголосила:

– Нет у нас больше папки, доченька!.. нет...

«Как это, нет?.. – недоуменно подумала Ника. – Ведь, он же, – есть!..» и, она вырвалась из, удушающих ее, объятий.

Тут, с улицы, одновременно вбежали запыхавшиеся Рудик с Аллой. Ника кинулась к ним испуганной птичкой:

– Мама говорит, что у нас нет больше папки, а куда ж он делся-то, куда?

У четырнадцатилетней Аллы брызнули из глаз слезы, она обняла худенькое тельце сестренки и молча прижала ее к себе.

– Значит, это правда... – не то спросил, не то просто пробормотал растерянный Рудик.

В доме надолго зависла тягостная обстановка. Какие-то люди сновали взад-вперед, приехавшие тетки, сестры родителей, хозяйничали на кухне, готовя поминальные блины и прочее съестное. Центральное место в доме занял гроб с телом отца... смерть никак не отразилась на его внешности, казалось, что он только спит. Ника слышала, как люди, переговариваясь между собой, обсуждали случившееся. В тот день на другом конце поселка загорелся дом. Ее отец, оказавшись поблизости, стал помогать выносить вещи. И уже непосредственно перед тем, как рухнули перекрытия, он выбежал с хозяйским барахлом. Бросив все на землю, он словно присел рядышком, отдохнуть. Но у него, как потом сказали врачи опоздавшей «скорой», отказало сердце...

После похорон отца мать продолжительное время никак не могла успокоиться. Да и Нике довольно долго все чудилось, что вот-вот откроется дверь и на пороге появится крепкая фигура отца, с правильными чертами лица и незабываемой улыбкой. Чуть выше среднего роста, он был на целую голову выше матери, пухленькой и такой же, как и муж, русоволосой... Внешне они сильно походили друг на друга. Бывало, во сне, услышав голос отца, Никино сердечко замирало, и она открывала глаза в надежде, что он это ей наяву привиделся, что он рядом...

Через год Ника пошла в первый класс. Соседский мальчик Леша стал сидеть с ней за одной партой. Они вместе ходили в школу, вместе возвращались оттуда и вместе решали трудные задачки, во всем помогая друг другу. У Ники также появились обязанности по дому – следить за порядком. По окончании восьмилетки Алла уехала учиться на швею, а Рудик уменялось ходить за домашней живностью. Зимой он чистил во дворе снег и вечером заносил дрова на растопку печи утром. Тихие вечера, размеренная жизнь, – все как при жизни отца, но только с той существенной разницей, что его не было рядом с ними. Зачастую по ночам Ника слышала, как мать плачет, уткнувшись носом в подушку. Откинув с себя одеяло, она вставала со своей постели и шлепала к матери.

– Мамочка, я люблю тебя!.. – обняв ее своими худенькими руками и прижавшись к ней всем тельцем, Ника засыпала.

Иной раз на пару дней из деревни, оставив свою домашнюю живность на соседей, приезжала бабушка, мамина мама. Она приносила в дом запах овечьей шерсти и свежескошенного сена... По вечерам бабушка сидела у печи и пряла пряжу, из этих ниток мама потом вязала носки и варежки своим домашним.

Время текло размеренно, неторопливо. Порой начинало казаться, что прошла целая вечность без дорогого для них человека. Будто так и должно быть.

Как-то, зайдя к соседям за Лешей, Ника увидела там человека, отдаленно похожего на отца. Ее сердечко екнуло и опустилось в пятки.

– Ой, Никочка! Как хорошо, что ты пришла!.. – обрадовано всплеснула руками тетя Роза, мама Леша. – Мы как раз собирались бежать к вам. Мама дома?

– Да... она только что пришла... – тихо пролепетала оробевшая от похожести незнакомца Ника.

– Ну вот и хорошо! Вы с Лешей сбегайте за ней. Скажите, что дело есть, путь бегом – к нам идет!..

Ника с Лешей сходили за Никиной матерью. А после Леша ей сказал, что дядя, сидевший у них, – папин друг.

– Он ушел от своей жены, и мама хочет его познакомить с твоей матерью.

– Зачем?.. – недоуменно спросила своего друга Ника.

– Ну как зачем? – Леша посмотрел на Нику. – Ей ведь тяжело вековать одной...

– А она же не одна! У нее есть мы!.. – из Никиных глаз готовы были политься слезы. – Я, Алла, Рудик... она не одна!..

– Вы – дети, а ей нужен мужчина!.. – совсем по-взрослому заявил Леша.

– Зачем?! – Ника все еще недоуменно смотрела на друга.

Леша вздохнул:

– Ох, ну какая же ты непонятливая, Ника! Ну смотри, все же живут парами! И у меня папка с мамкой, и у Шапкиных, и у Савельевых, и у Курочкиных...

– Но тетка Лизавета и Кудеиха – живут одни!.. – не унималась она.

– У тетки Лизаветы вообще мужа не было, мне мамка сказала, что она старая дева, а Кудеиха – старая уже, ей как бы мужа и не надо!

– Ну и маме нашей – не надо!.. – заупрямилась Ника.

– Нет, надо!.. – убеждал он. – У тебя мама еще молода, ей нужно. Да и в доме нужны мужские руки... ты не возражай, если они между собой поладят!

– Как это поладят?..

– Ник, не задавай глупых вопросов, ты же не дурочка!.. – заявил Леша. – Они должны договориться между собой. Если это случится, то все вы будете жить вместе. И у тебя будет новый папка.

– А мне не нужен новый папка! Не нужен!.. – слезы брызнули из Никиных глаз. – У меня свой папка есть, и мне никто больше не нужен!

– Тебе-то, может, и не нужен! А ты о матери подумала?.. – совсем по-взрослому проговорил Леша. – Утри свои слезы, не маленькая уже!

– Мама тоже по ночам плачет... – всхлипывая, пробормотала она.

– Вот видишь, ей нужен мужчина.

– Откуда ты знаешь, что ей нужен мужчина?

– Мамка с папкой все время так говорят. А они – взрослые, они все знают. Вот ты – вырастешь, тоже замуж пойдешь!

У Ники от изумления высохли слезы.

– С чего ты взял?

– Я же говорю, что никто не должен быть один, – авторитетно заявил он. – Каждая девочка выходит замуж, каждый мальчик – женится!

– А за кого я пойду замуж?

– Кто тебе понравится... – он посмотрел на свою собеседницу. – Я же не знаю, кто тебе нравится! Может, за кого-нибудь из нашего класса, а может, за кого другого...

– А за тебя я могу выйти?.. – она открыто посмотрела на своего друга. – Мы с тобой давно дружим.

Леша, сделав серьезное лицо, заявил:

– Может... Только я учиться хочу. Да и папка говорит, что прежде чем жениться, надо крепко встать на ноги. Мой братан, вон, заявил однажды, что хочет Маньку Козлову в дом привести. А тот ему и ответил, что сперва, мол, школу закончи, в армии отслужи да работу найди. На отцовой шее-то сидеть, – много ума не надо!.. А я доктором хочу стать!

– Я подожду... тебя я согласна ждать! Сколько угодно... – девочка чмокнула друга в щеку и убежала.

Ей хотелось побыть одной, чтобы переварить услышанное от Леша. Значит, его родители хотят этого дядю женить на ее матери? И вечером Ника подошла к ней.

– Мама, а зачем тебе тот дядя?

Мать удивленно посмотрела на дочь:

– Какой дядя?..

– Ну, тот, который сидел у тети Розы...

– У тети Розы?.. – эхом повторила она. – Почему ты спрашиваешь? Он мне ни для чего не нужен...

– А Леша сказал, что он будет моим папкой... – грустно сказала Ника.

Мать устало присела на краешек стула и внезапно расхохоталась.

– Господи, а я-то думаю, что он все вокруг да около!.. – девочка смотрела на мать широко раскрытыми глазами. – Дочка, запомни, у тебя только один папка! И другого не будет.

– Ну, мам, ну ты же еще молодая, и тебе нужен мужчина!

– Кто тебе это сказал?.. – всплеснула руками она. – Тоже, чай, Лешка?!

– Да, Лешка. Он сказал, что тебе нельзя быть одной! – Ника подошла вплотную к своей матери.

– А я – не одна... – она притянула к себе свою дочь и обняла. – У меня есть вы...

– Но мы же – дети!.. – не унималась Ника. – Если ты хочешь, то я ничего не скажу... Я не хочу, чтобы ты плакала в подушку...

– Девочка ты моя!.. – мать уткнулась в худенькое плечо дочери и еще крепче прижала ее к себе.

Дядя Веня, тот, что лишь весьма отдаленно напоминал отца, через пару дней появился у них. С первой минуты, когда тот переступил порог их дома, брат невзлюбил его. Ершисто-колючим взглядом он провожал незнакомца, хотя тот всюю старался подобрать ключик к подростку.

– Зачем ты с ним так? – Ника спросила у брата через некоторое время, после очередной грубости, когда за дядей Веней закрылась дверь.

– А как еще с ним? Если он метит на папкино место!..

– Ну и что?.. Ты бы о маме нашей подумал... – девочка вздохнула. – Нам-то с тобой все равно его не заменить!

Рудик удивленно посмотрел на сестренку:

– Ты-то куда лезешь, не в свое дело?! Мала еще рассуждать о таких вещах!..

– Как по хозяйству убираться, – так большая, а как маме счастья желать – так маленькая... – надулась Ника. – Сам-то на себя в зеркало посмотри!

Брат автоматически бросил взгляд на висевшее на стене зеркало. Его непослушные вихры торчали в разные стороны, задранный кверху нос придавал лицу несерьезный вид... а глаза... в глазах так и прыгали бесенята. В общем, от него можно ожидать всего, что угодно.

– А что я? Я – ничего, что ты меня-то дергаешь!.. Только запомни, этот дядька – не родной отец и никогда им не будет!.. – и он в сердцах чертыхнулся.

– Папа уже никогда не будет с нами. Он у нас всегда будет тут... – Ника хлопнула себя по груди ладошкой. – А маме мешать не надо. Она сама все решит...

– Задобрил тебя дядька шоколадными конфетками, вот ты и говоришь так! – Рудик грустно вздохнул. – Иначе ты бы не встала на его сторону...

– Чай, эти конфеты не я одна ела!.. – парировала сестренка. – Ты тоже их лопал! И нечего возникать!

Тут на пороге появилась мать, и дети замолчали.

Трудно завязывались отношения у брата с дядей Веней. Не получалось у них понять друг друга. Правда, после приезда Аллы Рудик перестал воспринимать его появление так остро. Наверное, сестра что-то сказала ему, и брат просто старался меньше попадаться ему на глаза. А, может, тут что-то иное, о чем Ника даже и не подозревала. Во всяком случае, это уже не было решающим, так как дядя Веня стал оставаться у них на ночь. Неделями он жил у них, по утрам уезжал на своем мотоцикле в город на работу, а вечером – возвращался, правда, не всегда. Сохранялось ощущение временности, отчего всем им становилось очень неудобно. Неопределенность, витающая в воздухе, стала сказываться и на материнских нервах. Всегда будучи уравновешенной, она превратилась в дерганую женщину, сильно зависящую от того, придет этот человек или нет... Тягостное и угрюмое ожидание зависало над всеми, и, не дай бог, кто попадет в такой момент матери под горячую руку – пусть то были ее дети, кошка или еще кто... и всю эту напряженность, как ветром сдувало, стоило только услышать долгожданный треск мотоцикла. Тут она становилась той, прежней, какой была до знакомства с ним, какой ее знали все...

Нике, конечно же, все это не нравилось. Но она не знала, как сделать так, чтобы все это закончилось. Чтобы дядя этот навсегда поселился у них. Чтобы мама перестала нервничать. И чтобы все встало на свои места. Но этому не было суждено случиться, так как вскоре он надолго исчез. Пропал, будто и не существовало его в их жизни.

Когда Ника, в разговоре с Лешей, словно ненароком, упомянула про пропавшего дядю, тот, нахмурившись (ну совсем как Лешин отец... впрочем, друг во всем подражал своему отцу, даже походкой), произнес:

– Родители говорили, что он вернулся к своей жене... он и к нам больше, не приезжал...

На Нику жалко было смотреть. Прозвучавшая фраза поразила ее настолько, что, казалось, у нее не осталось сил стоять на ногах. Она медленно опустилась на скамейку и стала хватать широко раскрытым ртом воздух. День для нее померк в прямом смысле слова. Это означало только одно: крах материнского счастья, потеря домашнего покоя, и надолго, если не навсегда. Мать по любому пустяку срывалась на крик, бывало, что и попадало им под горячую руку... Никина семья стала жить как на вулкане. В любой момент домашнее затишье могло взорваться. Все чаще мать стала задерживаться на работе, а потом и приходила веселая, подвыпившая. Но это еще полбеды. Придя такой, она добиралась до постели и засыпала. Ее никто не видел и не слышал. Хуже было, когда она приходила вместе с каким-нибудь незнакомым человеком, который начинал командовать, словно он тут хозяин. В такие моменты Нике хотелось убежать из дома, где стало очень неуютно и беспокойно.

Когда зимой приехала бабушка, Ника стала свидетелем довольно-таки ужасной сцены. Увидев свою дочь в таком нелицеприятном виде, бабушка оттаскала ее, в самом прямом смысле слова, за косы.

– Ты что вытворяешь?! Мало того, что дети потеряли отца, а при живой матери становятся сиротами!.. Ишь, чего удумала, в винную бутылку заглядывать да хвостом крутить! Я, когда похоронку на твоего отца получила, не распустила себя до такой степени!.. А что делаешь ты? И не стыдно тебе?!

Мать лишь молча плакала...

– Тебе же детей на ноги надо поставить!.. Ты на меня не надейся, я вас, троих девок, вырастила! Век-то мой к концу идет... – бабушка всхлипнула. – Что ж ты, Надюшка, голову совсем потеряла, а? Негоже женщине терять себя... какой пример ты сейчас подаешь своей дочке?! Нельзя же так...

И бабушка, бурча под нос нравоучения, кончиком платка промокнув свои скупые слезинки с глаз, подошла к русской печи. Открыв заслонку и вытащив ухватом чугунок, она добавила:

– Ты прежде всего мать, а уж потом – баба! Никогда не забывай об этом, слышь?! Если ты сейчас за свой ум не возьмешься, пеняй на себя, – ты все потеряешь!.. – она подошла к дочери и легонько толкнула ее рукой в голову. – Тебе не будет прощенья ни от детей, ни от меня, ни от людей! У тебя вон дите малое, я же говорю, какой ты пример ей подаешь? Небось, тошно ей на тебя, такую, смотреть-то!.. – и, обращаясь к Нике, добавила: – Ладно, зови брата, вечерять будем!

Ника, надев шубейку, выбежала на двор. Рудика там не было. Заглянув в сарай, она побежала к соседям, куда брат частенько хаживал.

С этого вечера жизнь их постепенно начала входить в наезженную колею. Мать стала прежней, только изредка она возвращалась с работы чуть позднее обычного. А в остальном жизнь приобрела прежний размеренный ритм. Брат, окончив восьмилетку, поступил в ремесленное училище, сестра училась в городе, а Ника «грызла» гранит науки и посильно помогала матери по хозяйству. Время без остановки шло вперед.

II

В августе, когда Нике исполнилось двенадцать лет, на родине жениха сыграли свадьбу Аллы. Сестра выходила замуж за заезжего красавца-студента, бывшего на пару лет старше ее. Приехав погостить к другу, он встретился с Аллой год назад, на дне рождения у общих знакомых... Она выглядела настоящей красавицей в белом длинном подвенечном платье. Короткая белая вуаль с небольшим веночком из искусственных роз на голове... Ника тогда подумала, что когда она будет выходить замуж, у нее будет точно такой же наряд, – так он ей понравился. Правда, сама свадебная суматоха оставила у нее впечатление сумбура и неразберихи. Ведь она, предоставленная самой себе, не знала, чем себя занять. Слоняясь по чужой квартире, где у каждого, но только не у нее, было дело, Ника изнывала от скуки до того времени, пока не прибыли остальные приглашенные со своими детьми. Вот тут уж все они нарезвились вволю...

По приезде домой Нике на долгое время хватило впечатлений для разговора с подружками. Собираясь вечерами на лавочке возле дома, они сидели, тасовали колоду карт и гадали на королей, на имена своих тайных женихов и на желания. У всех уже в головах «сидели» понравившиеся мальчики, по которым девочки тайком вздыхали. Ника как-то в библиотеке взяла книгу стихов Агнии Барто и впоследствии очень часто наизусть декламировала понравившееся стихотворение. Спустя некоторое время все девочки из класса переписали у нее это стихотворение. Вот и сейчас подружки попросили прочесть любимые стихи, и Ника с особым удовольствием выполнила их просьбу:

Каждый может догадаться, —
Антонина влюблена!
Ну и что ж, ей скоро двадцать...
А на улице – весна.
Только звякнет телефон,
Тоня шепчет: – Это он!..
Стала ласковой и кроткой,
Ходит легкою походкой,
По утрам поет как птица...
Вдруг и младшая сестрица
Просыпается чуть свет.
Говорит: – Пора влюбиться,
Мне почти двенадцать лет!..
И Наташа, на уроке
Оглядела всех ребят:
– Юра – слишком толстощекий,
Петя – ростом маловат.
Вот Алеша – славный малый,
Я в него влюблюсь, пожалуй!..
И проходит класс по карте —
Где Иртыш, где Енисей,
А влюбленная за партой
Нежно шепчет: «Алексей»...
Алик смотрит огорченно:
«Что ей нужно от меня?!» —
Всем известно, что девчонок
Он боится как огня!

Он понять ее не в силах —
То она глаза скосила,
То резинку попросила,
То зачем-то промокашку
Подает ему любя...
Алик вышел из себя!
Поступил он с ней жестоко —
Отлупил после уроков!
Так вот, с первого свиданья,
Начинаются страданья...

Девочки, улыбаясь, слушали, как Ника старательно, с выражением читала, это у нее получалось весьма забавно. Когда она закончила, все, словно по команде, одновременно глубоко вздохнули.

– Да, мальчишки нас не понимают... – грустно произнесла черноволосая Ира. – Им бы только драться да за косы дергать! И почему они такие?..

– А мне мама сказала, что они так симпатию к нам проявляют! – Света, сидевшая на лавочке по другую сторону Ники, потянулась. – На большее они не способны.

– Нет, это просто оттого, что они боятся нас... – почти неслышно, чуть ли не шепотом, возразила Ника.

Света тряхнула своими кудряшками:

– Они нас боятся?.. Кто тебе это сказал? Они такие задиры и забияки!

– Рудик сказал... – она покраснела. – Я случайно услышала, как он со своим товарищем разговаривал...

– Интересно, с кем это он так откровенничал?.. – сказала Ира. Все подозревали, что она тайно вздыхает о Никином брате, но не подавали виду. – Здорово бы было узнать!..

Ника улыбнулась:

– А вот и не скажу, с кем он разговаривал! Только речь шла об очень известной нам особе! Они ее обсуждали не хуже нас, девчонок! И языки у них гораздо поганее, чем у нас! Ну, как помело!

– Ни-и-и-ка, миленькая, а кого они обсуждали?.. – заелозила перед подругой Ира. – Скажи, пожалуйста...

– А вот и не скажу! Вам скажешь, потом это всему поселку станет известно!.. Брат тогда сразу может понять, откуда все это пошло.

– Нечего тогда было разевать рот! – Света покосилась на Иру. – А то дразнишь только... Слушай, а он тебя видел, что ли?..

– Нет. – Ника отрицательно мотнула головой. – Я вышла во двор, а вот на этом самом месте они сидели и разговаривали. Я подошла поближе, чтоб узнать, о ком это товарищ его сказал: «Если бы не это, можно было бы с ней славно провести время»... А брат сказал, что боится связываться, так как потом хлопот не оберешься! Они считают нас, девчонок, непредсказуемыми существами! Говорят, что у нас одно на уме вертится – как бы лишь охмурить парня и женить на себе!.. Вот.

Света чуть ли не подпрыгнула на лавочке:

– Раз они тебя не видели, чего же ты боишься? Сама же и сказала, что они не хуже нас треплются. ...Может, это сам его товарищ растрепал! Чего ты, прямо, kota за хвост тянешь! Раз начала говорить, так договаривай!..

Ира умоляюще смотрела Нике прямо в рот. Казалось, еще немного, и из ее серых глаз брызнут слезы. И Нике стало жаль подругу.

– Это была Манька Козлова. – Ира тяжело и разочарованно вздохнула. – Про нее говорили так плохо, что стыдно повторять эти слова...

Света фыркнула:

– Нашла, что скрывать! Да про ее похождения чуть ли не каждая собака в поселке брешет! Моя бабка про нее давно говорит, что она – гулящая! Даже малолеток не пропускает!..

– А я вот впервые об этом слышу! – Ника вздохнула и добавила: – Вообще я считаю, нехорошо обсуждать то, о чем не имеешь понятия, и потом, это не наше дело. Она имеет полное право вести себя так, как ей хочется! Манька – взрослый человек.

– Я тоже считаю так. Любят эти бабки перемывать косточки, любят. – Ира улыбнулась. – Хлебом не корми, а дай посплетничать! Особенно эта Кудеиха! Абсолютно все знает! И кто на ком женился, и кто с кем развелся, кто кого проводил, и кто кого поцеловал... Такое впечатление, что она даже в постели к другим залазит...

– А ты че, не знаешь, что ли, что она вечеряет у раскрытого настежь окна. – Света хихикнула. – У нее же прямо под окном лавочка стоит, и все, возвращаясь из клуба, садятся на нее...

Ника удивленно взглянула на Свету.

– А правда ведь, как я раньше об этом не догадалась?.. Надо же!

Ира недоверчиво взглянула на подруг:

– Так ведь до окна там палисадник, где-то около метра...

– Ночью это не помеха! Все прекрасно слышно... – Света снова захихикала. – У меня сестра как-то заметила белый платок Кудеихи и с тех пор стороной обходит злополучную лавочку...

Ника улыбнулась. Конечно же, Света была права... надо каким-то образом предупредить брата об открытии. Так, чтобы он ничего не заподозрил.

– Нет, а все-таки, Манька сама виновата, что ее считают гулящей!.. – заметила Света. – Не надо так явно показывать свой интерес... она же, в открытую, можно сказать, бегаёт за ребятами...

Ира хмыкнула:

– Забегает, если тебе уже глубоко за двадцать! Она ведь, если через годик не выйдет замуж, то будет считаться закоренелой старой девой! А кому хочется засидеться в девках? Лично мне – не хотелось бы!

– А я, как только исполнится восемнадцать – так сразу замуж пойду. Не буду ждать у моря погоды. – Света многозначительно посмотрела на подруг. – Я не собираюсь ворон считать!

– Пойдешь, если пара будет! – Ника тяжело вздохнула, будто скинула непомерный груз с плеч. – И, еще, если полюбишь...

– А что – любовь? Я на это смотреть не буду. Главное, чтобы меня любили! На руках носили, цветы дарили...

Ира завистливо вздохнула:

– Мечтать о красивой жизни – не вредно. Но не всегда получается так, как мы хотим... – Ника с искренним сочувствием посмотрела на подругу. Мать Иры – мать-одиночка, в их семье вся мужская работа лежит на женских плечах. Все, – и бабушка, и мать, и сама Ира – как могли, управлялись собственными силами по хозяйству. Ее детские руки на ощупь были грубоватыми, мозолистыми. Длинные и худые пальцы с неухоженными ногтями на больших ладонях... Ира на людях всегда их прятала или за спину, или в карманы. Если же в компании присутствовали мальчишки, она всегда больше отмалчивалась, держалась скромно и старалась не выделяться. Она как бы стеснялась своей подростковой угловатости, нескладности. Ее востренькое личико чем-то напоминало мышиную мордочку... и заранее, словно смирившись со своей участью, Ира готовилась стать именно одной из сереньких мышек. – Вредно – не вредно... если не мечтать, то жизнь не в радость. А когда мечтаешь, то почти всегда разочаровываешься...

Света склонила свою белокурую головку на бок:

– Но мечтать надо так, чтобы не отрываться от реальности.

– Тебе-то легко говорить, ты похожа на куклу! А куда деваться таким, как я? – Ира посмотрела на сидящую рядом Свету, в ее голосе послышались слезы. – Ни кожи, ни рожи...

Света застенчиво улыбнулась. Ей нравилось, когда на нее обращали внимание. С малых лет привыкла она слышать в свой адрес слова восхищения. Когда повзрослела, коли не получала она привычную порцию дифирамбов, ее настроение катастрофически падало. Казалось, какой-то бес вселялся в нее и всеми силами старался добиться желаемого. Светины радужные глаза, – сероватые по краям и карие у самого зрачка, – окаймленные длинными пушистыми ресницами, начинали прямо-таки метать молнии в сторону того, кто не удостоил ее своим вниманием.

Несмотря на всю внешнюю и внутреннюю непохожесть, все три подружки-ровесницы отлично понимали друг друга и всегда держались вместе. Объединяла их девичья мечта... Мечта о радужном и счастливом будущем, где сказочный принц приедет за ними на «Волге» и увезет их в свою страну, у которой такое сладкое, нежное и ласковое название – *любовь*. Их совсем еще детских душ уже легонько коснулось прозрачное крыло этой неведомой птицы...

Ника вспомнила свою последнюю поездку к бабушке. В первый же вечер она вышла к девочкам посидеть на бревнах, лежащих там еще с незапамятных времен. Чуть попозже к ним присоединилась кучка ребят, среди которых и был незнакомый белобрысый мальчик. Как Ника узнала потом, его родители переехали в деревню из города. Валерка (так звали того незнакомца) стал всячески проявлять к Нике знаки внимания. Непривыкшая к такому обращению, она вначале очень смущалась. Да, если сравнивать этого Валерку с ее другом детства Лешей, в галантности, конечно, он значительно проигрывал городскому мальчику. Но Леша был свой, как бы родной... они вместе росли. А Валерка... он немного настораживал Нику.

Услышав от бабушки в одно прекрасное утро выражение: «тут тебя дожидается городской хахаль», Ника призадумалась. Почему это – «ххаль»? Какое-то неприятное слово. У нее невольно возникли некие ассоциации... Ну, точно намекающее на те отношения, какие были у матери с дядей Веней. А ей все это ой как не нравилось!

Как бы там ни было, выходит, что Нике тоже не приходилось жаловаться на отсутствие внимания со стороны противоположного пола. Но она воспринимала все это более спокойно, чем подруги. Ее лишь огорчало, что Леша себя с ней вел так же, как и раньше. Словно она была не девчонкой, а обычным пацаном из их компании... будто он не хотел видеть в ней то, что увидел Валерка. Конечно, ведь он, Валерка, года на два будет постарше Леша... А у Леша в голове сидели совсем другие интересы, весьма далекие от тех, которые витали в головушке у стремительно взрослеющей Ники. Ее темно-русые волосы мягко обрамляли весьма миловидное, с пухленькими щечками, лицо. Ямочка на подбородке и карие вишни глаз... Вполне заурядная внешность, которая не бросается в глаза. Порой, рассматривая себя в зеркале, Ника говорила себе, что таких, как она, – на свете много. И, значит, все в ее руках. Когда-нибудь Леша посмотрит на нее совсем иначе, не так, как на «своего парня». Тогда она, Ника, будет счастлива на все сто процентов! Надо лишь для этого набраться терпения, и все будет хорошо.

Тем временем их жизнь шла своим чередом. Когда Рудика забрали в армию, мать привела нового сожителя, который поселился у них. К Нике он относился нормально, да и сама она воспринимала все как должное. Главное было то, что этот сожитель не хлестал водку стаканами и не куражился, не качал своих прав в их доме. По утрам он уходил вместе с матерью на работу, а вечером – приходил, и, в целом, жизнь у них нисколько не изменилась, текла так же размеренно и спокойно. Но сама Ника... внутренне она менялась и, зачастую, пугалась сама себя и своих мыслей, крутившихся у нее в голове. К тому же ей невыносимо захотелось внимания к собственной персоне, и не от кого-либо, а именно от Леша, который вел себя как обычно и, как казалось, ни о чем не подозревал. Самой сделать первый шаг – она себя не могла заставить, так как это противоречило ее принципам. И потом, она не забыла тот давний разго-

вор, произошедший между ними, когда его родители познакомили ее мать с дядей Веней. Ника надеялась, что и ее друг детства все помнит. Однако вскоре представился случай убедиться в обратном.

Ника сидела за уроками, когда в дом зашел Леша, принеся с собой клубы морозного воздуха.

– Привет!

Ника улыбнулась:

– Привет. Проходи.

Леша, сняв свой полушубок и пятнистую кроличью шапку с растопыренными в разные стороны ушами, потирая замерзшие руки, сказал:

– Ох и холодрыга на улице! Хотел на высылки к Митьке сбежать, да передумал. Решил к тебе зайти. Покалякать надо.

– Ну что ж, давай покалякаем... – согласилась Ника, захлопнув учебник и развернувшись к нему лицом. – О чем же?

Сев на застеленный серым байковым одеялом диван, он окинул знакомую и довольно-таки скромную обстановку комнаты. Около противоположной стены стояла железная кровать, заботливо убранная и с горой подушек, рядом с ней – трехстворчатый шифоньер с большим зеркалом на дверце посерединке. У окна находился стол, за которым сидела Ника, а по другую сторону большой русской печи, занимающей большую часть комнаты, в открытую дверь небольшой комнатухи виднелся край заправленной розовым китайским покрывалом кровати с овальным зеркалом, висевшим на стене. Невдалеке, как помнил Леша, там стояла этажерка с учебниками и аккуратной стопочкой старых газет... уютно мурлыкала полосатая кошка по соседству с ним, на диване. У них тоже, до недавнего времени, стоял такой же, с валиками по бокам. Родители заменили его на новый, раскладной. Если его разложишь – на нем запросто может уместиться даже три человека.

– Слушай, ты пойдешь смотреть бал-маскарад?

Ника пожала плечами:

– Не знаю, до него еще почти две недели... А чего?..

Леша погладил мирно мурлыкавшую кошку:

– Знаешь, тут у меня одна мысль появилась... – он хитро посмотрел на Нику. – Но я не знаю, как мне сделать лучше... Вот смотри, если тебе будет кто-нибудь оказывать знаки внимания, ты как это воспримешь?

Зардевшаяся Ника недоуменно посмотрела на друга:

– Ну, ты глупые вопросы задаешь, Леша! Конечно же, мне это будет очень приятно... Доброе слово, не то что внимание, и кошке будет приятно!

– Ну, это да, но... тут такое дело... – он немного нерешительно замялся. – Мне нравится одна девчонка, но вокруг нее ребята так и крутятся, и я, честно говоря, не знаю, как сделать так, чтобы она обратила на меня внимание...

У Ники неприятно похолодело в груди. «Неужели это Светка?..» – подумала она, а вслух произнесла:

– Что-то я тебя не пойму... Сам говоришь, что «есть мысль», и в то же время – спрашиваешь у меня совета, как сделать так, чтобы девчонка обратила на тебя внимание!..

– Ну, понимаешь, я тут купил билет... я... – он вдохнул больше воздуха и выдохнул: – Я хочу подарить его ей, вполне может быть так, что он выигрышный... Она, может, после мне...

– Смотря что на него выпадет!.. – перебила его Ника. Ей вдруг стало очень тоскливо. – Если ты имеешь в виду Светку, то с ней этот номер не пройдет! Разве что выпадет на этот билет выигрыш – машина «Волга»!..

Леша хлопнул глазами.

– Откуда я тебе «Волгу» возьму?! Сама знаешь, что у нас в доме культуры всегда на билеты крупнее выигрыша, чем торт и бутылка шампанского, – не было!..

– Тогда можешь благополучно забыть про Светку!.. – с легким оттенком досады будто попытожила Ника. – Внешность у тебя обычная, а это значит, что шансов у тебя – ноль.

Леша разочаровано вздохнул и, видно, некоторое время пытался прикинуть в уме, что теперь ему предпринять.

Затянувшееся молчание прервала Ника, ей стало жаль своего товарища:

– Соверши нечто такое, чтобы у нее глаза на лоб полезли! Тогда, может, у тебя и получится... А еще лучше, – поищи кого поскромнее. Не одна же она у нас в классе!

– Ты же манку до сих пор не ешь! А это – почти что одинаково!.. – парировал Леша. – Другие мне не нужны...

Ника фыркнула, пытаясь скрыть свое истинное состояние:

– Сравнил!.. То – каша, а то – человек! Светка – не манная каша! И потом, если уж на то пошло, то я могу себя заставить съесть то, что мне не нравится!

– Ой ли?! – Леша с недоверием посмотрел на нее. – Что-то я сомневаюсь!

Она вскочила со стула:

– Ты мне не веришь?.. Ты мне не ве-ери-ишь?.. – протянула Ника. – Хочешь, я тебе докажу, что я могу это сделать?!

Он недоверчиво посмотрел на нее и улыбнулся:

– Честно? Я сомневаюсь, что ты сможешь это сделать!

– Спорим, что я съем эту кашу! – Ника сорвалась с места и, подбежав к стоящей на табурете электрической плитке, всунула ее шнур в розетку. Ей надо было что-то делать, чтобы скрыть чувства, обуревающие ею. – Спорим?! На что?..

– Да хоть на этот лотерейный билет!.. – ему незаметно передалось лихорадочное состояние Ники. – Если ты сможешь съесть хоть ложку этой каши, то он – твой!

Ника метнулась в сени, где стояли банки с утрешним молоком. Плеснув его в литровую кружку, она поставила банку на пол, а кружку на плитку и потянулась за манной крупой, стоящей в пакете на полке. Ничего не говоря, она, помешивая, сварила жиденькую кашу и наложила в тарелку.

Поставив ее на стол, Ника посмотрела на Лешу, скептически наблюдающего за ней.

– Ты – будешь?.. – он отрицательно покачал головой. Тогда она, тяжело вздохнув, взяла из ящика кухонного стола, стоящего в закутке у печи, ложку и стала стоя, прямо перед ним, есть.

С удивлением смотря на Нику, на тарелку, в которой потихонечку убывало каши, Леша присвистнул. Он всегда думал, что Ника не способна себя заставить съесть себя то, что ей не по вкусу. А сейчас она на его глазах опровергала это...

– Ну, что?.. – победно блеснув глазами, Ника постучала ложкой по пустой тарелке. – Съел?!

– Ник, ты – герой!.. – он восхищенно посмотрел на нее. – Это – поступок, ты – молодец! – Леша подошел к вешалке и достал из кармана своего полушубка злополучный лотерейный билет. Он положил его перед Никой на стол. – Он твой!

– А как же Светка?!

– А что – Светка? Я еще куплю... – он снова направился к вешалке и нахлобучил на себя шапку, надел полушубок, валенки. – Ладно, я, пожалуй, пойду...

И вышел. Ника страдальчески сморщилась и, минутой спустя, стремительно подбежала к рукомойнику. Ее вырвало...

Пришедшая с работы мать застала свою дочь зареванной, с опухшим носом. Послав своего сожителя в другую комнату, она подошла к дочери и тревожно заглянула ей в глаза. Ника, уткнувшись в материнское плечо, опять безутешно разрыдалась. Ей казалось, что весь мир

обрушился, и она не знала, что теперь делать. Мать, услышав рассказ дочери, вздохнув, только сильнее прижала к себе ее худенькие плечи. Глядя Нику по голове, она думала, что, похоже, детство осталось позади...

– Вот и выросла ты у меня... Знаешь, что я сделала первым делом, когда пришла домой с первого свидания?.. – тихо нарушила зависшую тишину мать. Ника подняла голову и удивленно посмотрела на нее. – Я забралась на печь и стала играть в куклы...

– Сколько же тебе тогда было лет? – Ника тяжело, как наревевшийся ребенок, вздохнула.

– Может, чуть постарше тебя...

– А я уже давно перестала играть в куклы... – и опять послышался ее тяжелый вздох.

– Я гляжу, что у теперешних детей вообще интересы другие... я вот только теперь поняла, что ты у меня уже выросла... что твое сердечко тоже требует к себе внимания...

Ника снова прижалась к матери.

– Ма, что мне теперь делать?.. – в ее голосе снова послышались слезы. – Я не нравлюсь ему...

– Ну что делать?.. – мать сделала небольшую паузу. – Будешь жить как жила. На Лешке этом свет клином не сошелся... Я понимаю, это трудно. Но возможно. Потому что, если ты станешь из кожи вон лезть, чтобы он обратил на тебя внимание, – только хуже сделаешь. Если ребята видят, что девочки заинтересованы в них, они начинают вести себя очень некрасиво...

– Это как в стихах... девчонка вздыхала-вздыхала по нему, а он взял и отлупил ее...

У матери появилась улыбка на губах.

– Можно сказать, что так... И потом, когда девочка начинает бегать за мальчиком, окружающие начинают над ней смеяться. А это очень неприятно.

– Девочка должна быть гордой? – Ника вновь посмотрела на мать.

– Да... Ребята не уважают тех девчонок, которые, забыв обо всем на свете, бегают за ними. Тебе нравится Лешка? – Что ж, на здоровье! Будь ему другом. Доверие другого тоже немало стоит! Он ведь рядом, вы всегда можете помочь друг другу. Когда-нибудь он все равно оценит твою преданность...

– Но ему будет нравиться Светка... – обречено произнесла Ника и опять вздохнула. – Конечно, она – красивая!

– Но ты у меня тоже красавица! Просто то, что находится у нас под боком, мы не всегда замечаем. Мы к этому привыкли... Ладно, не горюй! Все будет хорошо. Давай-ка, лучше, накрывать на стол. Я умираю с голода!

И они стали готовиться к ужину.

...На билет, оставленный тогда Лешей, Ника выиграла роскошный большущий торт. А Свете дали большую коробку с сюрпризом и заставили на сцене же открыть. Под неумный хохот сидящих в зале зрителей она из груды оберточных бумаг извлекла маленького, завернутого в матерчатый конверт кукленка в чепце... он запросто умещался на ее ладошке.

– Ну, теперь есть Светке кого нянькать!.. – смеясь, дома Ника рассказывала матери. – А я хоть сладкого наемся! Зря Лешка отказался прийти к нам на чай...

Так вот, вместе с тем новогодним тортом, Ника, казалось, съела и свою детскую привязанность к своему неизменному другу детских лет.

III

На Октябрьские праздники Рудик вернулся домой. Ника с матерью хлопотали с пирогами у печи, и в этот момент открылась дверь, и на пороге появился молодой солдат с чемоданом в руках. Ника, взвизгнув от радости, ринулась к брату и повисла у него на шее... мать от неожиданности вначале присела на краешек табурета, а потом, словно опомнившись, вскочила и устремилась к сыну. Минут пять они все трое стояли, обнявшись, у порога. Потом Ника буквально стащила с брата шинель, шапку-ушанку и потащила его к дивану. Мать, утирая передником слезы радости, стала хлопотать с обедом.

Вечером чуть ли не вся улица была у них. Гуляли на славу. Рудик с товарищем на мотоцикле съездили за бабушкой в деревню. И она вместе с матерью Ники и самой Никой выглядели именинницами на праздничном застолье. А как же иначе, если их мужчина – внук, сын и брат – окончил службу в армии. Два года пролетели одним моментом, хоть и поначалу время тянулось ужасно медленно... Но теперь это все позади.

– Куда ж ты теперь?.. – спросил подвыпивший сосед у Рудика, собиравшегося закурить сигарету.

– На работу буду устраиваться!.. – отчеканил брат. А Ника на мгновение даже зажмурилась и, ущипнув себя за руку, открыла глаза. Ей все не верилось, что он дома. – Вот только немного дома сделаю свои дела... хозяйство подправлю, а потом уж займусь собой.

Да, работы у него было навалом: изгороди покосились, грозили вот-вот упасть, а в сарае, где стояла корова, появились большущие щели и тепло выдувало... материн сожигатель ни к чему не касался, а незадолго до возвращения Рудика исчез, будто и не было его совсем. Уж что случилось на этот раз, – Ника терялась в догадках... Но незадолго до его исчезновения мать пришла с работы раньше времени и очень расстроенная. Когда он тоже пришел, они с матерью закрылись в комнате и о чем-то там долго говорили вполголоса... До Ники иной раз доносились голоса, но она не могла разобрать слов. С этого дня Ника заметила, что мать изменилась. В ее глазах появилась какая-то печаль, тоска, грусть... может, это из-за пропавшего сожигателя, а может, и еще из-за чего другого. Ника боялась спросить у матери причину... Ей думалось, что, если надо будет, мать сама ей скажет. Сама. А пока она только и говорила с ней о ее будущем выборе. После окончания восьмилетки Ника планировала поступать в педагогическое училище, хотела выучиться на воспитателя.

– Дай Бог, ты поступишь и будешь при профессии... – вздыхала мать. – Я буду за тебя спокойна!

Она почему-то теперь любой разговор заканчивала этой фразой. И стала чаще вспоминать о Боге, хотя никогда не отличалась особой религиозностью. У них в семье вообще никто не верил в Бога, даже когда умер отец, про Всевышнего особо-то и не вспоминали. ... А у бабушки иконы в красном углу стояли лишь потому, что это ей досталось по наследству, от родителей. Ника никогда не видела у нее зажженную лампадку... никогда. Теперь же этот иконостас перекочевал к ним. И мать стала по вечерам подолгу выстаивать перед образами, неумело молилась.

Вскоре причина произошедшей перемены стала ясна. Собрав всех на совет, мать сообщила, что неизлечимо больна и ей предстоит лечь в больницу. Брат к тому времени можно сказать что женился, и жил у какой-то молодой женщины в городе.

– Рудик, пожалуйста, не бросай сестренку... ей еще надо выучиться. Бабушка будет рядом, но и она уже немолода... – мать всхлипнула.

Рудик как-то зябко поежился... посмотрев на мать, он нервно вытащил сигарету из лежащей на столе пачки и дрожащими руками засунул ее в рот. Ника сидела пришибленная страш-

ной новостью, и когда у матери на глазах появились слезы, она вскочила со стула и бросилась к ней в объятия.

– Мама, мамочка! Может, врачи ошиблись! Ты – вылечишься, я в этом уверена! Вылечишься... Все будет хорошо, вот увидишь!

– Нет, дочка, к сожалению, все так и есть... У нас еще не умеют это лечить. Не умеют...

– Мама, но разве же врачи говорят о таком диагнозе?.. – голос Рудика дрожал. – Такое ведь нельзя говорить больному! Откуда ты это взяла?

– Я случайно увидела запись в своей карточке... да и уже больше полугода меня врачи по кабинетам гоняют. Теперь вот говорят, что лечиться надо. Посылают в онкоцентр... а это говорит само за себя...

– Наверняка, это какое-то недоразумение. Вот увидишь, мамочка! – Ника стала гладить мать по голове, как маленького ребенка. – Врачи ошиблись... ошиблись.

– Если это так, то я была бы самой счастливой, так как я больше всего на свете хотела бы понянчить собственных внуков – ваших детей!

– Мама, ты еще их понянчишь, и свадьбу мы еще сыграем! И вообще, ты будешь жить долго-долго! Ты у нас одна-единственная, и ты – нужна нам, нужна! – Рудик подошел к матери и обнял ее за плечи. – Мама, ты нам очень нужна!..

На весенних каникулах, когда мать лежала в областном центре, Ника и Рудик поехали к ней, в больницу. Дома осталась бабушка, которая, закрыв свой дом в деревне и распродав всю свою живность, жила теперь с Никой. Мать очень похудела, под глазами были круги... Ее обещали выписать после курса лучевой терапии. Выйдя из больницы, Ника расплакалась, уткнувшись брату в грудь. От стоящей перед глазами картины ей стало очень тоскливо и одиноко. Она вдруг отчетливо поняла, что на самом деле может потерять свою мать... мать, которая дала ей жизнь, вырастила, воспитала... что она может навсегда покинуть этот мир, так, как это сделал отец много лет назад. Ей стало страшно.

С этого дня для нее время приняло совсем иной характер. Ника уже не могла быть такой, как и прежде. Каждая минута, каждое мгновение ей словно напоминали о предстоящем... А так много еще не сказано, так много осталось в тайниках ее девичьей души того, чем хотелось бы ей поделиться со своей матерью. Хотелось наговориться с ней за все то время, что она была рядом с ней, но в тот же момент находилась так далеко от нее, своей дочери...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.